

Дарчиев Анзор Валерьевич

ДЖАВСКО-ДИГОРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СХОЖДЕНИЯ И ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОСЕТИН

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов осетинской диалектологии: фонетическим и лексическим соответствиям джавского говора и дигорского диалекта. Опираясь на этимологию отдельных джавско-дигорских изоглосс, автор определяет время их происхождения и, таким образом, получает возможность извлечь информацию, проливающую свет на ранние этапы этнической истории осетин.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 54-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.221.18

Филологические науки

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов осетинской диалектологии: фонетическим и лексическим соответствиям джавского говора и дигорского диалекта. Опираясь на этимологию отдельных джавско-дигорских изоглосс, автор определяет время их происхождения и, таким образом, получает возможность извлечь информацию, проливающую свет на ранние этапы этнической истории осетин.

Ключевые слова и фразы: осетинский язык; дигорский диалект; джавский говор; уаллагкомский говор; изоглоссы; аланы; миграция.

Дарчиев Анзор Валерьевич, к.и.н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской Академии наук
и Правительства республики Северная Осетия – Алания
dar-anzor@yandex.ru*

ДЖАВСКО-ДИГОРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СХОЖДЕНИЯ И ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОСЕТИН[©]

Изучение диалектов осетинского языка играет важную роль в решении многих вопросов этногенеза и этнической истории осетин. Как известно, осетинский язык делится на два основных диалекта: иронский и дигорский. Согласно В. И. Абаеву, их формирование связано с двумя волнами миграции сармато-аланских племён на Северный Кавказ, из которых первая условно названа «дигорской», а вторая, более поздняя, – «иронской». Переселенцы первой волны на какое-то время оказались в условиях, способствовавших языковой изоляции, чем и объясняется большая архаичность дигорского диалекта по сравнению с иронским [3, с. 362]. В настоящее время данную гипотезу можно считать общепринятой, однако многие факты требуют её дальнейшего развития и уточнения. В частности, это касается вопросов, связанных с джавским говором, который распространён на большей части Южной Осетии. Он относится к иронскому диалекту, но в то же время обладает архаичными чертами, сближающими его с дигорским [5, с. 80-90; 21].

О происхождении джавско-дигорских соответствий высказывались разные мнения (см.: [12, с. 400-401]), а в последнее время весьма перспективная гипотеза была предложена Т. Т. Камболовым. Исследователь обращает особое внимание на вывод М. Г. Абдушелишвили об антропологическом сходстве дигорских осетин с джавскими, в связи с которым могут быть объяснены и джавско-дигорские схождения в области фонетики и лексики. «Для этого, – пишет автор, – следует менее априорно подойти к версии возникновения диалектов осетинского языка, основанной на устоявшейся в осетиноведении теории, согласно которой ираноязычные предки осетин двумя волнами достигли Центрального Кавказа приблизительно в VII и II в.в. до н.э. При этом первую волну традиционно связывают с дигорцами, вторую – с иронцами и, соответственно, с дигорским и иронским (с включением в последний джавского говора) диалектами осетинского языка. Однако мы хотели бы обратить внимание на то, что по археологическим данным уже первая волна накрыла собой территорию по обе стороны Кавказского хребта. Соответственно, этнос первой волны мог быть прародителем не только дигорцев, но и джавцев. В этом случае можно допустить, что нынешнее определенное сепаратное антропологическое и языковое сходство джавцев и дигорцев обусловлено их этногенетическим единством, нарушенным впоследствии наложением второй волны скифо-сарматских племен на джавцев, ассимилированных более мощным родственным этническим элементом (иронским) и сохранившим лишь незначительные рефлексии былого единства с дигорцами» [11, с. 241; 13, с. 64].

В данной гипотезе (как и в остальных) довольно сложными остаются вопросы датировки миграционных волн. В. А. Кузнецов предположил, что ираноязычными предками дигорцев было сарматское племя сираков, появление которых на Северном Кавказе относится к VI-IV вв. до н.э. С III в. до н.э. в Предкавказье продвигается родственное сиракам племя аорсов, в которых, по мнению учёного, можно видеть более позднюю «иронскую» волну миграции [14, с. 62]. Впрочем, здесь же В. А. Кузнецов предлагает и другой вариант решения вопроса: дигорцы являются потомками как сираков, так и аорсов, а вторая волна миграции, приведшая к формированию иронской группы осетинского народа, началась с конца IV в. [Там же, с. 65]. Т. Т. Камболов, как видно из приведённой выше цитаты, принимает датировку «дигорской» волны приблизительно VII в. до н.э., а «иронской» - II в. до н.э. Не претендуя на решение этого непростого вопроса, мы, в свою очередь, хотели бы обратить внимание на некоторые из джавско-дигорских изоглосс, этимология которых несёт в себе определённую хронологическую информацию.

1) Джав. *кадзус* «чистый» - диг. *кадзос* «чистый» [12, с. 401; 22, с. 72]. Согласно В. И. Абаеву, это слово еврейского происхождения, которое могло быть заимствовано аланами у хазар, исповедовавших иудаизм и усвоивших еврейскую религиозно-ритуальную терминологию [1, с. 575]. Принятие иудаизма хазарами относится приблизительно к последней четверти VIII в. [18, с. 150-151], стало быть, и заимствование интересующего нас слова произошло не раньше этого времени. Полагать, что вторая, «иронская», миграционная волна, разделившая единый этнос первой волны на две части (каждая из которых сохранила *кадзус* / *кадзос* как след былого единства), относится к исходу VIII в., как будто нет оснований.

2) *Уашкирги* – староджавская форма имени небесного покровителя воинов и путников, которая зафиксирована в тексте молитвословия первой трети XIX в. [24, S. 296]. Бытование у джавцев такой формы подтверждается и более поздними источниками [8, с. 143; 19; 20]. Нельзя не заметить, что она ближе не к ирон. *Уастырджы*, а к диг. *Уасгерги*, и едва ли не полностью совпадает с произношением этого имени в моздокском говоре дигорского диалекта – *Уашкерги* [7, с. 27]. Согласно В. И. Абаеву, осет. *Уастырджы* / *Уасгерги* происходит из *Wac Gergi* «Святой Георгий» и связано христианизацией алан [2, с. 56; 17, с. 242]. Принятие же и распространение христианства в Алании относится к началу X в. [15, с. 57] Можно допустить, что имя было воспринято на раннем этапе проникновения христианства к аланам, которое надёжно датируется второй половиной VII в. [Там же, с. 43-51], но и тогда о сохранении единого «джавско-дигорского» этноса первой волны говорить не приходится. «Армянская География» VII в., составленная Ананием Ширакаци, уже фиксирует в Алании отдельно «ашдигоров» на западе (предков современных дигорцев), «ардозцев» на востоке (предков современных иронцев), а за народом Ардоза – дуал (туальцев) [4, с. 368-371; 14, с. 55]. Т. Т. Камболов также приходит к заключению, что в «Армянской Географии» «мы имеем схему, полностью соответствующую общепризнанной дислокации аланских субэтнических групп на Северном Кавказе» [12, с. 405].

Наиболее вероятным объяснением данных джавско-дигорских соответствий может быть переселение на территорию современной Южной Осетии носителей дигорского диалекта, в словарном составе которого уже имелись и *Уасгерги*, и *кадзос*. Возможным временем такой миграции представляется период XIII-XIV вв., то есть после татаро-монгольского нашествия и опустошительных походов Тимура, имевших особенно тяжёлые последствия для алан-дигорцев [6, с. 12-14; 10, с. 85-86; 23, с. 68-82]. В то время ущелья Центральной и Южной Осетии стали убежищем для уцелевшего населения из разных областей разорённой Алании, и поэтому здесь могли возникнуть очаги междиалектного контактирования. Другими словами, две рассматриваемые изоглоссы являются, на наш взгляд, результатом взаимодействия дигорского и иронского диалектов.

Яркий пример подобного взаимодействия и, если угодно, синтеза хорошо известен в Северной Осетии. Это уаллагкомский говор – язык жителей тех дигорских сёл, которые были основаны иронскими переселенцами из Алагирского ущелья. Сопоставление особенностей уаллагкомского и джавского выявляет интересные совпадения в области фонетики и лексики.

1) При произношении старых общеосетинских веллярных смычных *к*, *къ*, *г* в положении перед *е*, *и*, *ы* староджавский ещё ведёт себя как более архаичный дигорский диалект, сохраняя их без изменения, в то время как во всех остальных говорах иронского диалекта они представлены в палатализованном виде: соответственно *ч*, *чь*, *дж* [5, с. 50]. Уаллагкомский говор отличался точно такой же особенностью, утраченной впоследствии под влиянием литературного языка [9, с. 107]. Ср., например: староджав. *ки* «кто» – уал. *ки* «кто» (при иронском *чи*, дигорском *ка*).

2) Джавский говор сохраняет староосетинское начальное долгое *у*, которому в дигорском соответствует *уо*, а в литературном иронском – *уы* [12, с. 440; 22, с. 70]. Тексты В. Ф. Миллера [16, с. 82-90] подтверждают наличие такой особенности и в уаллагкомском, причём в тех же случаях, что и в джавском: а) в глаголах (уал. *уди* «он был», *удтан* «я был», *удысты* «они были»); б) в личных местоимениях 3-го лица (уал. *уй* «он, она» - джав. *уй* «он, она», уал. *удон* «они» - джав. *удон* «они», в) в наречиях (уал. *ум* «там» - джав. *ум* «там»).

3) Некоторые из джавско-дигорских сепаратных изоглосс обнаруживаются и в уаллагкомском говоре, где их форма полностью совпадает с джавской. Так, например, для джав. *кадзус* «чистый» / диг. *кадзос* «чистый» и джав. *ифстаг* «иногда» / диг. *ефстаг* «иногда» находим уаллагкомские соответствия в записях В. Ф. Миллера: *Ивстаг лабырд домма уйтыххай факанын ама донан, аз цы сахат фалабурын, уцы сахат рахедца ваей йа кадзус; стей уед уотыд ку фабадын, уед та йа цымыр фацауы ама ин йа цымырай та аз на фэйисын цалымма йа кадзус рахедца ваей уалымма* «Потому я изредка черпок беру, что, когда черпаю, в тот час к реке доходит чистая вода; а когда я праздню сию, тогда идёт в ней грязная вода, и я грязной не беру, пока опять чистая не придёт» [Там же, с. 88]. В уаллагкомском говоре *кадзус* «чистый» и *ивстаг* «изредка, иногда» происходят, несомненно, от дигорских *кадзос* «чистый» и *ефстаг* («ивстаг») «иногда». Уаллагкомские *кадзус* и *ивстаг* по форме и значению практически полностью совпадают с джавскими *кадзус* и *ифстаг*, и этот факт может свидетельствовать о том, что последние представляют собой такой же результат смешения дигорского и иронского диалектов, как и уаллагкомские, с той лишь разницей, что в одном случае имела место иронская миграция на дигорскую территорию, а в другом, как мы полагаем, наоборот, – дигорские переселенцы оказались в южно-иронской среде.

Итак, приведённые факты свидетельствуют о хронологической неоднородности джавско-дигорских соответствий. Определённая их часть может быть наследием древнего единства, однако рассмотренные выше лексические изоглоссы являются результатом гораздо более позднего междиалектного взаимодействия, происшедшего, вернее всего, в послемонгольский период и связанного с миграцией алан-дигорцев на территорию современной Южной Осетии.

Список литературы

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. I. 656 с.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 326 с.
3. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Ч. I. 601 с.
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
5. Ахвледиани Г. С. К истории осетинского языка // Ахвледиани Г. С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Изд-во Тбилисского государственного университета, 1960. Т. I. С. 48-59.
6. Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1980. 240 с.
7. Гурджибети Б. Дигорон уаджимиста. Дзауагигъау: Ир, 2002. 255 ф.

8. Из статьи Е. Вердеровского «О народных праздниках и праздничных обычаях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе» // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Иристон, 1981. Т. I. С. 141-144.
9. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1966. 224 с.
10. Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Наука, 2004. 471 с.
11. Камболов Т. Т. К вопросу о говорах и диалектах осетинского языка // Дарьял. Литературно-художественный журнал. Владикавказ: Рухс, 2002. № 1. С. 230-243.
12. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.
13. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. История. Современность. Перспективы. Изд-е 2-е доп. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. 290 с.
14. Кузнецов В. А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа: мат. науч. сессии, посвящ. пробл. этногенеза осетин. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 42-66.
15. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск: СНЕГ, 2007. 200 с.
16. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М.: Типография бывш. Ф. Б. Миллера, 1881. Ч. I. 166 с.
17. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М.: Типография А. Иванова, 1882. Ч. II. VII+301 с.
18. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
19. Статья анонимного автора «Вашкирки» // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Иристон, 1981. Т. I. С. 103-106.
20. Статья И. Б. Беридзе «Вашкирки» // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Иристон, 1981. Т. I. С. 150-154.
21. Тедева О. Г. «Дигоризмы» в староджавском (По текстам И. Ялгузидзе) // Осетинская филология: межвуз. сб. ст. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981. Вып. 2. С. 42-45.
22. Тибилов А. А. Об особенностях юго-осетинских говоров // Тибилов А. А. Собр. соч. Цхинвали: Иристон, 1988. С. 66-72.
23. Хамцаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе: Ир, 1973. 259 с.
24. Kohl J. G. Reisen in Südrussland. Dresden-Leipzig: Arnoldischen Buchhandlung, 1841. B. I. 330 S.

JAVA- DIGORIAN LANGUAGE CONVERGENCE AND QUESTIONS OF OSSETINS' ETHNIC HISTORY

Darchiev Anzor Valer'evich, Ph. D. in History

North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev of Vladikavkaz Scientific Centre
of Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia – Alaniya
dar-anzor@yandex.ru

The author considers one of the most topical questions in Ossetian dialectology: the phonetic and lexical correspondences of Java and Digorian dialects, and basing on the etymology of certain Java-Digorian isoglosses determines the time of their origin and, thus, is permitted to extract the information that throws light on the early stages of Ossetians' ethnic history.

Key words and phrases: Ossetian language; Digorian dialect; Java dialect; Uallagkom dialect; isoglosses; Alans; migration.

УДК 821.161.2

Филологические науки

В статье рассмотрены особенности использования понятия «боль» и болевых характеристик в современной украинской поэзии. Боль в поэзии становится определенным знаком, понимание которого способствует лучшему прочтению текста. Можем отметить, что чаще всего встречаются в украинской лирике упоминания о головных и сердечных болях. Именно они анализируются в статье. Также обращается внимание на цветовую гамму, связанную с болевыми ощущениями. Боль рассматривается как фактор, влияющий на поведение героя и систему его мировосприятия.

Ключевые слова и фразы: боль; болевой синдром; лирический герой; кардиалгии; цветовая гамма.

Деркачева Ольга Сергеевна, к. филол. н., доцент

Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника, Украина
olga_derkachova@ukr.net

ПОНЯТИЕ «БОЛЬ» И СВЯЗАННАЯ С НЕЙ ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ СТЕПАНА ПРОЦЮКА) ©

Боль – неприятные ощущения или страдания, включающие эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Однако если говорить про боль как явление, встречающееся в художественной литературе, то она может становиться определенным знаком, символом, смыслом, сохраняя свои первоначальные особенности и характеристики только условно.

Боль – это феномен, включающий перцептивный, эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. В художественном тексте понятие «боль» приобретает субъективное выражение и довольно-таки часто становится ключевым в современной украинской лирике.